

Е. Н. Рогова, Л. С. Яницкий

Кемеровский государственный университет

Особенности авторской интенции в «Метели» В. Сорокина

Анализируется повесть В. Сорокина «Метель», определяются особенности интенции автора, выражающиеся в использовании культурного кода, связанного с традициями русской и мировой литератур, в двойном кодировании, проявляющемся в наличии уровня, предназначенного для массового читателя, и игрового уровня, улавливаемого искушенным реципиентом. Для повести характерна интертекстуальность, направленная на активизацию читательской рефлексии и формирующая широкое ассоциативное поле.

Ключевые слова: В. Сорокин, интенция, повесть, культурный код, двойное кодирование, интертекстуальность.

В. Сорокин в своих произведениях обращается к разным авторским стилям, жанрам, выявляя основы их конструирующих механизмов, формируя игровую языковую реальность. «Метель» писатель связывает с традицией классической повести, с «метафизикой русской жизни и русского пространства»: «Мне в большей степени хотелось написать не про государственное устройство, а про стихию. От чего здесь люди зависели, по-прежнему зависят и будут зависеть. И главный персонаж, порождаемый этим пространством, – Метель... В повести бунт вещей – это, безусловно, бытовая неустроенность русской жизни... Это и есть наша русская жизнь и другой она не будет. Это неучтенность человека... что касается деконструкции, то тут другая задача поставлена – это герметическая вещь. Как пирамидка...»¹.

«Метель» В. Сорокина является очень важным текстом с точки зрения развития стиля автора, но на фоне других его произведений, получивших более широкую известность, данная повесть остается не достаточно оцененной. В «Метели» в полной мере реализуется особенность постмодернистского текста и творчества В. Сорокина в целом, проявляющаяся в двойном кодировании, наличии уровня, предназначенного для массового читателя (сюжет о докторе Гарине, отправив-

¹ *Сорокин В.* Обнять метель. Интервью Н. Кочетковой // Известия. 02.04.2010. URL: <https://iz.ru/news/360256> (дата обращения 15.08.2018).

Рогова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры психологических наук Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; evgeniarogova4505@gmail.com)

Яницкий Леонид Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; leonid@kemsu.ru)

шемся на карликовых лошадках с ямщиком Перхушей в Долгое для вакцинации от чернухи, боливийской чумы, грозящей зомби-апокалипсисом), и игрового уровня (со стилями, жанрами, темами, мотивами русской, мировой литературы и фольклора), улавливаемого искушенным реципиентом.

Предпримем анализ целостности повести В. Сорокина «Метель» с целью определения авторской интенции. Под термином «интенция» мы понимаем «...намерение, цель» автора [ФЭС, 1989, с. 218], раскрывающиеся в коммуникативном развертывании текста как смыслового целого, его конструирующих механизмах. Разделяя представление сторонников герменевтического подхода в понимании интенции, полагаем, что «это художественная идея, она выявляется с помощью герменевтического и композиционного анализа» [Колосова, 2009, с. 30], «поддается реконструкции и имеет решающее значение при истолковании текста» [Соловова, 2004, с. 163].

Обратимся к культурному коду повести В. Сорокина. Обращение к термину «код» обусловлено именно метаязыковым характером предмета исследования – авторской интенции, проявляющейся в формировании текстового конгломерата, основанного на игре с традициями мировой культуры. С. Н. Зенкин о метаязыковой природе кода говорит следующее: «Функция, нацеленная на код, называется метаязыковой... Это функция проверки, установления, обогащения кода, которым пользуются собеседники. Она преобладает в тех высказываниях, где собеседники пытаются договориться о более точном понимании (например, “что это значит?”)... реальность интересна лишь постольку, поскольку помогает объяснить слова» [2000, с. 22]. Характеризуя постмодернистскую игру со смыслами, В. В. Бычков пишет о бессистемной системе иронически-игровых отношений, утверждающих всеразрушающий релятивизм «при постоянной тихой ностальгии по разрушаемому миру... Отсюда бережное, почти ритуальное перенесение обломков сознательно и планомерно разрушаемого храма Культуры в новое смысловое арт-пространство и сборка из них... утонченных смысловых и энергетических структур...» [2003, с. 290]. Выбор «обломков», композиционных, стилевых элементов определяется интенцией автора, его намерением в отношении конструируемого целого.

В «Метели» автор обращается к национальному культурному коду, сформированному литературой, и не только русской классической повестью (как отмечает сам В. Сорокин), и к характерным для нее темам и проблематике. Читательские аллюзии направляются к поэтике произведений XVIII–XX вв.: А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, И. А. Бунина, А. П. Чехова, М. А. Булгакова и др. В «Метели» В. Сорокина читатель сталкивается с такой разновидностью «неявной» интертекстуальности, которая направлена на активизацию работы реципиента «со структурно необъяснимым сегментом – такой сегмент позволяет подозревать интертекстуальность, хотя ее может и не быть... Этот сегмент разъясняется как цитата или реминисценция, через сопоставление одного текста с другим; читательская работа над таким сегментом состоит в редукции немотивированности, в подыскании ей объяснения – если не в рамках данного текста, то в пространстве интертекстуальности. Привилегированным является здесь не авторское, а читательское отношение к тексту, интертекстуальность реализуется в рецепции, в работе редуцирования» [Зенкин, 2000, с. 73]. «Неявная интертекстуальность» в «Метели» В. Сорокина способствует активизации работы читателя по обретению смысла, поиски которого предполагают включение нового высказывания в контекст уже известных ему произведений, обладающих сходными характеристиками.

В. Сорокин объединяет в «Метели» черты разных жанров. В тексте можно обнаружить аллюзии на мировую литературу, мифологию и фольклор: мифы о тво-

рени мира, гибели великанов; авантюрно-приключенческий хронотоп; элементы антиутопии; мистического триллера; волшебной сказки; фантастического произведения; мотивы зомби-апокалипсиса и постапокалиптики современной массовой культуры. Культурный код повести связан с темами, являющимися ключевыми для мировой культуры: вечная борьба между смертью и жизнью, хаосом и упорядоченностью, движением и статикой. В традициях русской литературы в «Метели» В. Сорокина затрагиваются мотивы: исторической судьбы России, неизменной беспросветности жизни; народной мудрости; неразвитости народного сознания; близости народа к природе; неустроенности крестьянской жизни; неприхотливости, трудолюбия, выносливости, умения приспособиться к любым обстоятельствам, жертвенности, кротости, христианской веры народа; преданности барину; взаимоотношений крестьянина с представителями высших социальных слоев; чувства вины русского интеллигента за происходящее с народом; развращенности, слабости, эгоизма представителей русской интеллигенции.

Для того чтобы читатель смог заметить наличие аллюзий на классическую русскую литературу, автор использует тематические и стилистические клише, а также принцип контрастности восприятия: фоном для пародируемых стилистических элементов являются современные жанры массовой культуры: постапокалиптика и зомби-апокалипсис. Сталкивая события и реалии разных временных пластов, жанры, автор выделяет опорные для восприятия образы и детали текста, выступающие попеременно то предметом, то фоном.

Наличие достаточно сложного культурного микса в постмодернистском тексте В. Сорокина объясняется отбором и систематизацией материала, способствующего на разных уровнях произведения формированию сходных символических значений, предназначенных для читательского восприятия: обращение к традициям повести, современным литературным жанрам, мифу и фольклору независимо от национальной традиции связано с мотивами смерти, жизненного цикла. Для избежания эпистемологического провала автор использует архетипические образы (метель, хозяин и слуга, конь, корабль (сани)), выступающие существенными признаками на фоне «несущественных», обеспечивающие понимание любой читательской аудитории. Архетипические образы играют в тексте роль модальных слов, направляющих восприятие текста, являющихся смысловыми узлами своего рода фрактального нарратива, представляющего собою повторение на разных уровнях основной идеи, своего рода «самоподобие», когда целое имеет форму своих частей. Понятие фрактала в изобразительном искусстве последовательно изучает Е. В. Николаева. Исследовательница отмечает, что фрактальность все чаще рассматривается как семантическая, эстетическая составляющая произведения искусства независимо от времени и способов его создания. О самоподобии фрактальной системы Е. В. Николаева пишет следующее: «...подсистемы нижних уровней фрактальной системы повторяют конфигурацию целой системы и в пределах общей формы заключен точно или с некоторыми изменениями “тиражируемый (в предельном случае – бесконечно тиражируемый) паттерн”, “ген формообразования”, как называет его российский математик и философ А. В. Волошинов... Главным содержанием фрактала как парадигмального концепта является бесконечное развертывание на каждом новом уровне погружения в упорядоченную или “хаотическую” структуру *все тех же* смыслов, заданных в “начале начал” – при неизменном фундаментальном подобии частей целому»². Применительно к «Метели» В. Сорокина развертывание фрактального нарратива проявляется в повторяющихся сюжетах-симулякрах на тему завершения жизненного цик-

² Николаева Е. В. Исследования фракталов в изобразительном искусстве // Художественная культура. 2012. № 3 (4). URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-3/istoriya-i-sovremennost/512.html> с. 73 (дата обращения 23.04 2018).

ла, таких как: зомби-апокалипсис; конец света, мира, жизни, России, народа, истории. Воспринимающий субъект выступает в роли активного создателя смыслов, конструирующего модель художественной целостности в зависимости от уровня читательской культурной компетенции. Автор предоставляет читателю конгломерат симулятивных смысловых ходов, «расставляя» знаки-символы, «зарубки», модальные слова-вехи, сигнализирующие о наличии аллюзии на тот или иной культурный код. Читатель движется в игровой нелинейной стихии текста, создавая свой текст. При кажущейся последовательности событий в тексте В. Сорокина происходит постоянное «выпадение» в контрастирующие стили, жанры, микстовость текста становится для воспринимающего очевидной и единственно животворящей в рамках осуществляемой игровой стратегии, мистерии формируемого самим читателем мира смыслов: «Новые телесные артефакты, новые “бриколяжи” могут лишать очевидности “само собой разумеющуюся” линию, создавая новые миры. Например, фрактальные... человек устал от гладкой линии. От ее примитивных телесно-визуальных практик. Для описания сложного, бурлящего мира нужны такие же миры-артефакты – бесконечные, сложно организованные, нелокальные»³.

В. Сорокин опирается на установленные традицией застывшие формы, темы (социальные противоречия; национальный характер; идеализация духовных качеств простого народа; противопоставление нравственного здоровья моральной деградации дворянского сословия; цикличность истории), являющиеся предметом изображения и рефлексии уже в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и в дальнейшем во многих других произведениях отечественного искусства. По этой причине аллюзиями на «Хозяина и работника» Л. Н. Толстого и на произведения, содержащие образ метели, семантико-композиционные связи повести В. Сорокина не исчерпываются. Неявная интертекстуальность повести В. Сорокина ведет к формированию у читателя широкого ассоциативного поля с классической русской литературой и мировой культурой. Проследим за осуществляемой авторской стратегией в рамках целостного текста «Метели».

«Метель» В. Сорокина способствует формированию у читателя ассоциаций с многочисленными произведениями, круг которых строго не очерчен, но вместе с тем, что принципиально важно, не случаен. Узнаются, например, сюжет повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник», проблематика «Анны Карениной», отсылающая к взаимоотношениям Левина и крестьян; композиционные особенности произведений Л. Н. Толстого (диалог помещика с мужиками; внутренний монолог героя о Боге, смысле жизни; психологизм, связанный с рефлексией героев Л. Н. Толстого). Образ человека из народа в произведениях Л. Н. Толстого часто выступает мерилем моральных устоев, жизненной стойкости, мудрости. В романе «Анна Каренина» образ крестьян соотносится с мотивами близости к природе, духовного здоровья, идеализацией физического труда. Перхуша и его характеристики в «Метели» В. Сорокина формируют у читателя ассоциации с Платоном Каратаевым из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: «Он живет для всех. В нем есть поэзия труда и поэзия мысли – мудрой, народной, не случайно выговариваемой им в пословицах, поговорках. Конечно, в этом образе наиболее резко подчеркнуты покорность, смирение, непротивленчество, имеющие свои социально-исторические корни в русской действительности... В то же время он олицетворяет элементарно простое, обычно-житейское и поучительное, животворящее» [Краснов, 1981, с. 395–396]. В повести В. Сорокина Перхуша «обречен» литературной традицией, изначальной символикой метели и интенцией автора, направляющего симулятив-

³ Тарасенко В. В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/81ab34a63ee862c3c32568b100402341> (дата обращения 24.04.2018).

ную фабулу к завершению и началу цикла, жизненного пути героев, исторического пути России.

Главными героями «Метели» В. Сорокина являются Перхуша и доктор Гарин. В. Сорокин, опираясь на традицию, использует характеристики, закрепленные за образом человека из народа, ставшие стереотипными, штампами, утрируя их, делает очевидными для читателя, превращая их в знаки стиля. Перхуша неприятелен, бессребреник, простоват и вместе с тем сметлив, добр, сострадателен. Неприхотливый в быту, неспособный к рефлексии, Перхуша близок к природе и Богу. Косвенной характеристикой Перхуши в повести является контрастное изображение неустроенного быта героя и содержащейся в идеальном порядке конюшни. Полнота внутреннего мира героя, его тонкость чувств раскрывается через отношение к лошадям. Легко сносящий зуботычины Гарина, Перхуша не дает в обиду своих карликовых лошадок, проявляет упорство в своем стремлении защитить их. Перхуша одинок: «С бабьим телом не совладаю» [Сорокин, 2010, с. 30], – говорит он о себе. Жизнь бобыля не тяготит Перхушу, забота его направлена на карликовых лошадок. Перхуша для доктора Гарина, как Платон Каратаев для Пьера Безухова, является, как и полагается, воплощением гармонической вписанности в окружающий мир: «С Перхушей стало ему как-то хорошо и спокойно... это лицо, казалось, было всем совершенно довольно: и самокатом, и легким морозцем, и своими ладными, ровно бегущими коньками, и этим доктором в пенсне и лисьем малахае... и этой белесой, бесконечной снежной равниной, раскинувшейся впереди и тонущей в крутящейся поземке» [Сорокин, 2010, с. 32].

Через воспоминания Перхуши В. Сорокин вводит в повесть тему трагической крестьянской судьбы, используя гротеск, смешение лексики, относящейся к разным историческим эпохам, нанизывая одно за другим несчастные события, подвергает ее деконструкции. В детстве, оставленный родителями дома, Перхуша устраивает пожар, запуская петарду, сгорает все, в том числе и украденная отцом «из государева инкубатора» куколка редкой бабочки, находящаяся в подвале, – надежда на процветание родителя. Вспоминает Перхуша и то, как его обманули на ярмарке (предсказуемые чистота и доверчивость, вызывающие сострадание у читателя), как появились у него карликовые лошадки, являющиеся «двойниками» героя. Здесь размер лошадок может быть связан как с сатирической составляющей аллюзии (измельчала Тройка Русь), так и с сентиментальной традицией (ценностный мир маленького человека состоит из малостей, греющих душу и противопоставленных вечности). Смерть Перхуши сопровождается видением синей бабочки «Мертвая голова», с которой сливается умирающий герой, вылетая в окно огня, исполняя песню новой жизни и великой радости. Причиной смерти Перхуши становится случайность: старая дырка в тулупе (знакомая уже тема бессмысленности, случайности жизни и смерти маленького человека в русской литературе).

В. Сорокин использует в «Метели» устойчивый тематический комплекс, связанный с образом человека из народа, формируемый в XVIII в., развитый литературой XIX–XX вв. Перхуша «любить умеет», чем напоминает читателю не только героев Н. М. Карамзина, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, но и чудиков В. М. Шукшина (своей одержимостью, бескорыстием, а также противопоставленностью крепкому мужику). Мотив неустроенного быта, неумение за себя постоять, отсутствие рефлексии, смиренность героя «Метели» В. Сорокина рождает у читателя и ассоциации с рассказом «Матренин двор» А. И. Солженицына.

Образ Гарина формируется с помощью клишированных характеристик, связанных с образом интеллигента в русской литературе. Гарин, доктор (аллюзивный образ, направляющий к творчеству А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. Н. Толстого), едет в отдаленное селение для того, чтобы сделать прививку от боливийской

чумы еще не зараженным людям, рассуждает о добре, но причиняет зло конкретному человеку. Он губит Перхушу, с опозданием понимая, что в непогоду не стоило ехать, что ситуация позволяла переждать непогоду. Слабости Гарина (взаимоотношения с женой мельника, принятие наркотика) являются причиной замедления в пути, но герой склонен винить во всем Перхушу, его беспросветную «тупость». Та же иронически воссозданная тема беспросветности пути России и ее осмысления «интеллигенцией», оторванной от народа, присутствует в постмодернистском тексте С. Соколова «Палисандрия», в словах рассказчика, приведем для сравнения: «Шагал там народ-проходимец, пройдоха. Шел народ забулдыга, народ-инвалид. Шел ветер. Всмотревшись, мне сделалось по преимуществу больно: “Россия, родная, когда же придет настоящий день твой! Доколе, терзаема неотесанным мужичьем, ты будешь влачить крест своей незлобивости и долготерпения. Чрез непогоды”...» [Соколов, 2011, с. 320]. В «Метели» В. Сорокина Перхуша умирает, в сюжет повести автор вводит образ китайцев, в руки которых попадает Гарин. Образ обмороженных ног в «Метели» символичен: Перхуша был ямщиком Гарина, после его смерти Гарин теряет способность передвигаться, прежнюю родину, будущее, самого себя. Сверхочевидная аллегоричность финала о значимости простого мужика в истории России способствует не столько формированию сатиры, сколько последовательно осуществляемой деконструкции тем и мотивов русской прозы.

В. Сорокин использует в «Метели» мифопоэтические образы и мотивы, направляющие понимание читателя в русло заданного игрового дискурса. Между Гариним и Перхушей в повести устанавливается на уровне детализации и символических смыслов тесная связь, формируя мотив двойничества. Герои наделяются схожими чертами: внешность (отекающие глаза), связь с животным миром (Перхуша сравнивается с птицей, а у Гарина лисий малахай). Гарин и Перхуша объединяются совместным следованием по единому пути. Персонажи представляют собою двойников, хозяина и слугу. В символическом ключе вся повесть В. Сорокина движется к осуществлению авторской идеи на уровне осуществляемого двойного кодирования: симулятивности смысла, стереотипности художественного мышления и одновременно сатиричности изображаемого. Используемый автором культурный код национальной жизни предполагает на фабульном уровне наличие предсказуемой трагической развязки, а в рамках проводимой деконструкции предсказуемость стилистических клише, питаемых цикличностью и повторяемостью истории. В этом смысле «Метель» является, по выражению автора, «вещью герметичной»⁴, основанной на идее смерти и замкнутости реального и виртуального миров.

Тема смерти присутствует в символике заглавия, эпиграфе повести, проходит лейтмотивом через все произведение, достигает гротескного воплощения в использовании сюжета о зомби-апокалипсисе. Автор формирует для читателя текстовые сигналы, направляет внимание искушенного, рефлексирующего читателя к литературным претекстам, использует стилистические ассоциации, доводит до абсурда составляющие элементы культурного кода. Эпиграф «Метели» представляет собою первую строфу стихотворения А. Блока «Покойник спать ложится»: «Покойник спать ложится / На белую постель, / в окне легко кружится / Спокойная метель...» [1989, с. 5]. Эпиграф содержит центральную характеристику разворачивающегося текстового конгломерата, которая может быть соотнесена с последним стихом второй строфы стихотворения А. Блока: «Настало никогда». Тема смерти, заявленная в эпиграфе, развивается от начала к концу текста, создавая кольцевую композицию. Мир, в котором пребывают персонажи, является (что вполне соответствует литературной традиции, подвергаемой деконструкции) ми-

⁴ Сорокин В. Обнять метель. Интервью Н. Кочетковой.

ром смерти, а сами они напоминают мертвецов. Перхуша выполняет в повести роль перевозчика (подобно Харону), он отмечен болезнью (Перхуша «перхает», за что и получает свое прозвище), что также связывает его со смертью. В описании героев, хронотопе повести изобилуют образы, символизирующие смерть, чтобы читатель наверняка заметил их навязчивую повторяемость (застывшие глаза у мельничихи, оплывшие глаза у Перхуши и большой посиневший нос у Гарина и т. д.). Укрывая собою замерзающего доктора, думает о нем: «Большой человек...», – тут же вспоминая «труп большого и его твердый лоб, который ему пришлось разрубить» [Сорокин, 2010, с. 287]. Для формирования подобной символики в «Метели» используются фольклорные мотивы, аллюзии на волшебную сказку (ходики в виде избушки Бабы-яги; путь героев идет через пространство чистого поля в другой мир; для построения стены используется живая и мертвая вода; образы карлика и великанов). На фабульном уровне используется мотив о грядущем апокалипсисе, вспышке эпидемии, превращающей людей в зомби. Художественная достоверность повести разрушается вплетением фантастических, сказочных образов, смешением натуралистического и мифического, наличием лексики, относящейся к разным эпохам.

Образ метели, как и полагается в рамках подвергаемой деконструкции традиции, формирует лейтмотив произведения, – это, как и заведено в русской литературе, и фон, и герой, и символ судьбы. Образ метели соотносится с культурным кодом, создаваемым литературой, набором трюизмов, темами неясности пути российской истории, драматичности судеб народа, рока. В. Сорокин опирается на существующие у искушенного читателя аллюзии на «Метель», «Бесов», «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, поэму «Двенадцать» и поэзию А. Блока. Тема метели сопрягается в повести с мотивом движения, связанным с образом мчащихся лошадей (птицей-тройкой Н. В. Гоголя), который в русской литературе символизирует потенциальные силы России. Тема движения и образ лошадей, символизирующих свободу, присуща и произведению А. Блока «На поле Куликовом» («Умчались. Пропали без вести Степных кобылиц табуны...» [Блок, 1989, с. 285]) и т. д. Перхуша на протяжении всей повести сравнивается с птицей («птичий рот» [Сорокин, 2010, с. 225], «в лице возницы... было что-то птичье» [Там же, с. 31], «в этом мертвом лице еще больше проступило птичье» [Там же, с. 298]), у своих лошадей Перхуша, словно они птицы, спрашивает: «Что, у мельника зоб наели?» [Там же, с. 127]. Гибель Перхуши-птицы, как и то, что лошади переходят в повести к китайцам, становится знаковым в развитии символики пути, движения. Параллели с произведениями Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого указывают на намерение автора «Метели» изобразить на уровне мира персонажей деградацию происходящего: не Русь-тройка, но пятьдесят карликовых лошадок предстают перед читателем; Гарин не прозревает, спасая работника, но губит Перхушу, так и не открывая для себя Бога и смысл жизни. В повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» хозяин Бог является Василию Андреевичу Бреухову в последние мгновения жизни через христианскую, жертвенную любовь, когда он, замерзая, думает: «Жив Никита, значит, жив и я» [Толстой, 1982, с. 339]. В «Метели» В. Сорокина Перхуша, замерзая, во сне видит бабочку с ангельским ликом на спине, с которой он самоотжествляется, перед смертью исполняя песнь счастья и великой радости. Свободу Перхуша в произведении В. Сорокина обретает только ценой смерти. Избыточность словесных повторов в эпизоде, посвященном гибели Перхуши, способствует формированию эффекта обнажения приема письма, идея о вознесении души героя звучит нарочито патетичной, авторская ирония становится зримой для читателя.

Метаморфозы, происходящие с героем на фабульном уровне, связаны в повести В. Сорокина с символикой метели. Образ метели в русской литературе соотносится с устойчивым инвариантным конструктом. К. А. Нагина [2010], в частности,

исследуя семантику метели в творчестве П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, выделяет комплекс «метельных значений»: метель-судьба, палач и жертва одновременно; ипостась амбивалентной природы; квинтэссенция зимнего испытания, связанного с мотивом смерти, потерей пути, инфернальным сюжетом; историческая неразрешимость бытийных проблем; расплата за грехи, страсть и радость. В лирике Н. М. Языкова К. А. Нагина в оценке лирического субъекта метели находит отражение специфики национального характера: «...вьюга не только страшит северного человека, но успокаивает душу, поэтому символизирует крепость духа... и широту русской души» [2010, с. 13]. В романе В. Кюхельбеккера «Последний Колонна» К. А. Нагина обнаруживает соотношение между вьюгой и склонностью к мечтательности, являющейся одной из национальных черт. По мнению К. А. Нагиной, начиная с А. С. Пушкина, с образом метели-судьбы «...связана историческая проблема соотношения случайного и закономерного» [Там же, с. 14]: «...метель сопровождает переломный момент персонажей... участвует в самоопределении героев» [Там же, с. 16]. И. А. Юртаева говорит о «доархаической символике метели» [2000, с. 199], возрождающей сюжетную схему (исходный порядок, его нарушение, восстановление), а также об этико-религиозном значении стихии «в синтезе природного и исторического» [Там же, с. 201]. Для искущенного читателя, таким образом, комплекс значений, круг литературных ассоциаций, связанных с образом метели, широк, понятен. В «Метели» В. Сорокин вводит своеобразный инвариант сюжета об угрожающей стихии – элементы сюжета о зомби-апокалипсисе для создания гротеска (на первый взгляд соединение несоединимого), на самом деле для умножения уже существующего «гена формообразования».

Метель как архетипический образ в повести В. Сорокина служит объединению полижанрового текстового конгломерата, выполняя скрепляющую функцию. В повести В. Сорокина мир до начала метели, как полагается в рамках традиции, характеризуется как мертвый, а стихия, уничтожая, сметая все на своем пути, обновляет его, «освобождает» Перхушу. Автор «Метели» обращается в рамках обыгрываемого культурного кода к характерным для литературы идейно-эстетическим комплексам: о судьбе народа говорится с помощью символики стихии, связанной с темами предопределенности, истинного и ложного, цикличности, единства природного и исторического начал.

На протяжении всего текста В. Сорокин ведет двойную игру: формирует симулятивный сюжет, используя предсказуемые ходы, мотивы, символику, параллельно осуществляя деконструкцию жанра и стилей. Например, при всей трагичности финала «Метели» нельзя не отметить наличие в последнем эпизоде знаковой детали: в повести В. Сорокина остается в живых чалый, любимый конек Перхуши («И лишь неугомонный чалый пронзительно заржал, навсегда прощаясь со своим хозяином» [Сорокин, 2010, с. 302]). Сопоставление повестей Л. Н. Толстого и В. Сорокина позволяет читателю увидеть символическое значение: в смерти хозяина лошадей Перхуши – смерть архетипического хозяина природного мира. Чалый особенно любим Перхушей за цвет: «...чалый был рыжим, как и сам Перхуша» [Там же, с. 286]. Во внешности и характеристиках героев присутствуют черты, подчеркивающие их амбивалентную природу, они не только связаны со смертью, но обладают способностью спасения, продления жизни: Перхуша возит хлеб, а у Гарина есть вакцина, побеждающая смерть. Перхуша является хозяином карликовых лошадок, а образ коня на мифотектоническом уровне соотносится с «обрядом хтонических культов» [Керлот, 1994, с. 256]. Конь является «древним символом циклического развития мира явлений» [Там же], таким образом, заключительная часть повести формирует мотив цикла, повторяемости. Судьба России, метафизика национального бытия, как и должно в соответствии

с сюжетом, подвергающимся деконструкции, открыты вечному движению и обновлению. Проверкой на «жизненность» в повести В. Сорокина проходит природа: остается в живых чалый, символическая ипостась неразумного, чистого Перхуши. Л. С. Яницкий, рассуждая об общих чертах современной литературы, пишет следующее: «Картина мира... характеризуется рядом особенностей, сближающих ее с мифоритуальным мировосприятием» [2004, с. 256]. Мифологическому мышлению свойственно отождествление природного и человеческого миров, проходящих годовой ритуал, в котором В. Н. Топоров выделяет основные этапы: гибель мира, принесение его в жертву – составление из распавшихся частей нового мира – соединение частей тела [1983, с. 239]. Повесть завершается гибелью-жертвой Перхуши, образом его лошадок, помещенных в мешок – объединенных в символическом смысле в «утробе» для нового рождения, как объединяются в постмодернистском тексте жанры и стили для обновления литературных форм.

Образ России в рамках культурного национального кода, как заведено, связан в «Метели» В. Сорокина с мистическим началом. Перхуша не раз упоминает нечистого, насылающего вьюгу и сбивающего с пути. Читательские ассоциации направлены к целому ряду произведений русской литературы, в частности к творчеству А. Блока, в котором образ России развивается как двойственный, преисполненный тайны, путь которой не дано предсказать никому. Например, в стихотворении «Русь» тема таинственности Руси звучит следующим образом:

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.
Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.
Где буйно заметает вьюга
До крыши – углое жильё...
[Блок, 1989, с. 320].

Тема «разноликих народов» России В. Сорокиным представлена в гротескно-фантастическом ключе: в повести предстают великаны и карлик. С образами великанов в повести В. Сорокина соотносятся темы пьянства, физической силы, работоспособности, доверчивости, ограниченности. Великанов в «Метели» обманывают при расчете за работу, как великана в «Младшей Эдде». Эпизод встречи Перхуши и Гарина с трупом «большого» вызывает ассоциации со сказкой А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в которой изображено столкновение Руслана с головой великана. Мотив встречи богатыря с головой великана восходит к фольклорному сюжету о подвигах Еруслана Лазаревича, героя древнерусской книжной сказочной повести, и к иранскому эпосу о Рустаме [Мелетинский, 1990, с. 210]. Используется этот мотив не для героизации, но для сатиры: великан в повести В. Сорокина умирает от водки. Гарин трижды повторяет: «Вот она, дичь наша русская» [Сорокин, 2010, с. 244], «Напиться и рухнуть на дороге... Бред! Русский бред!» [Там же, с. 244], «Россия» [Там же, с. 250].

Образ пирамиды, символ движения к идеалу, духовности, вечности, в «Метели» является преградой, о которую в буквальном смысле ломается самокат Перхуши. В. Сорокин развивает характерную для литературы тему необъяснимого повторения в истории России сложных моментов. В повести В. Сорокина осуществляется сатиризация изображенного мира: камнем преткновения становится пирамидальный наркотический продукт, причина гибели героев, а в символическом

смысле и России. Пирамида символизирует и человеческое тело: «Четырьмя своими углами или сторонами пирамида символизирует руки и ноги, а своей вершиной – голову...» [Холл, 1992, с. 260]. Таким образом, причиной несчастий на уровне фабулы, в рамках одного из герменевтических ходов, становится пресловутая неучтенность человека в России.

Используя культурный код русской литературы, связанный с ключевыми для нее темами народа и интеллигенции, драматической судьбы и исторического пути России, В. Сорокин не только формирует узнаваемые стилистику и проблематику, но одновременно делает тематические клише заметными для читателя, сталкивая на сюжетном уровне реалии разных времен, установку на достоверность с использованием фантастики.

Герои «Метели» путешествуют по фантастическому миру, в котором временные координаты определяются лексикой и художественными образами, связанными с широким историческим периодом, включая будущее (телефон, голограмма, показывающее радио, живая открытка, живородящий войлок, суперантенна). Текст разворачивается в рамках двойного кодирования: искушенный читатель ощущает условность происходящего с первых строк «Метели». Каждое предложение в повести звучит как знакомое, где-то читанное, как вторичное, утрированное, ставшее знаковым и шаблонным в русской литературе XIX–XX вв. (если крестьянин, то незлобивый или работяга и пьяница; если доктор, то в пенсне и любитель женщин и наркотиков; если мельничиха, то непременно с полной, колышущейся грудью). В повести проявляется двойная стратегия автора: сформировать текст с установкой на достоверность и одновременно подчеркнуть, что происходящее может существовать только в игровой текстовой реальности. Движение героев по заснеженному пути в повести представляет собою в символическом ключе путь формирования и разрушения ставшего штампом культурного национального кода. Автор делает клише доступными для читательского восприятия с помощью сталкивания традиции классической повести с жанровыми чертами триллера, зомби-апокалипсиса. Темы, связанные с культурным национальным кодом (смиренность и отсутствие рефлексии простого народа, слабость и эгоизм, развращенность интеллигенции, мистическое начало, духовность, мессианство, вечность и неизбежность страдальческого пути нации), становятся очевидными для читателя, а осуществляемая игровая стратегия понятной. В. Сорокин применяет повторы, гротеск, прием контраста для указания на осуществляемую автором стилистическую игру. Карнавализация в мире культурных, литературных клише является той силой, которая открывает новый интерпретационный горизонт читателю.

В. Сорокин в «Метели», как и в произведениях «День опричника», «Сахарный кремль», «Теллурия», обращаясь к метафизике национальной жизни, использует культурный код, способствующий формированию наряду с иронией сатирического типа художественного оцельнения. Интенция автора заключается в использовании фрактального дискурса, позволяющего включать в текст многочисленные художественные элементы, не меняющие пусковой алгоритм встраивания сюжетных ходов, который можно символически предельно кратко обозначить как «смерть / обновление» традиции, культуры, жанра, авторитета стиля.

Список литературы

- Блок А.* Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. 692 с.
- Бычков В. В.* Эстетика. Краткий курс. М.: Проект, 2003. 384 с.
- Зенкин С. Н.* Введение в литературоведение. Теория литературы. М.: РГГУ, 2000. 81 с.
- Керлот Х. Э.* Словарь символов. М.: REEL-book, 1994. 608 с.

- Колосова Д. В.* Интенция как базовая категория текстовой деятельности // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 28–31.
- Краснов Г. В.* Комментарии: Л. Н. Толстой. Война и мир // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7. С. 367–401.
- Мелетинский Е. М.* Еруслан Лазаревич // Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
- Нагина К. А.* «Метель-страсть» и «метель-судьба» в русской литературе XIX столетия // Вестник Удмурт. ун-та. 2010. № 5–4. С. 12–20.
- Соколов С.* Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. 608 с.
- Соколова Е. В.* Интенция // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.
- Сорокин В.* Метель. М.: Астрель: АСТ, 2010. 304 с.
- Толстой Л. Н.* Хозяин и работник // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 12: Повести и рассказы 1885–1902 гг. 478 с.
- Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура М.: Наука, 1983 С. 227–284.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Иличев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.
- Холл М. П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск: Наука, 1992. Т. 1. 368 с.
- Юртаева И. А.* Мотив метели и проблема выбора в повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» // Литературный текст: Проблемы и методы исследования: Сб. науч. тр. М.; Тверь, 2000. Т. 6: Аспекты теоретической поэтики: к 60-летию Н. Д. Тамарченко. 244 с.
- Яницкий Л. С.* Лирика и миф (о некоторых особенностях лирического дискурса) // Филологические науки. 2004. № 3. С. 12–23.

E. N. Rogova, L. S. Yanitskiy

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
leonid@kemsu.ru, evgeniarogova4505@gmail.com*

Specifics of the author's intention in V. Sorokin's "Metel"

The paper analyses "Metel" (The Blizzard) by V. Sorokin, defines the specifics of the author's intention expressed in the use of the cultural code associated with the traditions of Russian and world literature, in dual coding manifested in the level intended for the mass reader and the game level perceived by the sophisticated recipient. V. Sorokin's "Metel" is characterized by intertextuality, aimed at activating the reader's reflection and forming a wide associative field.

To activate the reader's perception, the author uses thematic and stylistic cliches, as well as the principle of perception contrast: modern genres of mass culture – post-apocalyptic and zombie apocalyptic serve the background for the parodied stylistic elements of classical literature. To avoid epistemological failure, the author uses archetypal images (blizzard, master and servant, horse, ship (sledge)), that act as substantial characteristics against the background of insubstantial ones, insuring understanding of any audience. The archetypal images play the role of modal words in the text, guiding the perception of the text and acting as semantic centers of a sort of fractal narrative, the essence of which is self-resemblance when the whole has the form of its parts. The author's intention is to use fractal discourse to include numerous artistic elements in the text without changing the triggering algorithm of building the plot devices, which can be symbolically referred to as "death / rebirth" of tradition, genre, the authority of style.

Keywords: V. Sorokin, intention, short novel, cultural code, dual coding, intertextuality.

DOI 10.17223/18137083/69/14

References

- Blok A. *Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya sovremennikov* [Poems. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Pravda, 1989, 692 p.
- Bychkov V. V. *Estetika. Kratkiy kurs* [Aesthetics. Concise course]. Moscow, Proyekt, 2003, 384 p.
- Cirlot J. E. *Slovar simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, REEL-book, 1994, 608 p.
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedical dictionary]. S. S. Averintsev, E. A. Arab-Ogly, L. F. Ilichev et al. (Eds). Moscow, Sov. entsiklopediya, 1989, 815 p.
- Hall M. P. *Entsiklopedicheskoye izlozheniye masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkreytserovskoy simbolicheskoy filosofii* [Encyclopedic presentation of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosenkreutzerian symbolic philosophy]. Novosibirsk, Nauka, 1992, vol. 1, 361 p.
- Kolosova D. V. Intentsiya kak bazovaya kategoriya tekstovoy deyatel'nosti [Intention as a basic category of textual activity]. *The world of Russian word*. 2009, no. 3, pp. 28–31.
- Krasnov G. V. Kommentarii. L. N. Tolstoy. Voyna i mir [Comments to L. N. Tolstoy. War and peace]. In: Tolstoy L. N. *Sobr. soch.: V 22 t. T. 7* [Collected works in 22 vols. Vol. 7]. Moscow, Khudozh. lit., 1981, pp. 367–401.
- Meletinskiy E. M. Eruslan Lazarevich. In: *Mifologicheskiy slovar'* [Mythological dictionary]. E. M. Meletinskiy (Ed. in ch.). Moscow, Sov. entsiklopedia, 1990, p. 672.
- Nagina K. A. "Metel'-strast'" i "metel'-sud'ba" v russkoy literature 19 stoletiya ["Blizzard-passion" and "blizzard-fate" in Russian literature of the 19th century]. *Bulletin of Udmurt University*. 2010, no. 5–4, pp. 12–20.
- Sokolov S. *Shkola dlya durakov. Mezhdub sobakoy i volkom. Palisandriya. Esse* [School for fools. Between a dog and a wolf. Palisandriya. Essays]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus, 2011, 608 p.
- Sokolova E. V. Intentsiya [Intention]. In: *Zapadnoye literaturovedeniye 20 veka: Entsiklopediya* [Western literary studies of the 20th century: Encyclopedia]. Moscow, Intrada, 2014, 560 p.
- Sorokin V. *Metel'* [Blizzard]. Moscow, Astrel', AST, 2010, 304 p.
- Tolstoy L. N. Khozyain i rabotnik [Master and servant]. Tolstoy L. N. *Sobr. soch.: V 22 t. T. 12: Povesti i rasskazy 1885–1902 gg.* [Collected works: In 22 vols. Vol. 12: Novels and stories 1885–1902]. Moscow, Khudozh. lit., 1982, 478 p.
- Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura* [Space and text. Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 227–284.
- Yurtaeva I. A. Motiv meteli i problema vybora v povesti L. N. Tolstogo "Khozyain i rabotnik" [Motif of blizzard and problem of choice in L. N. Tolstoy's story "Master and Servant"]. In: *Literaturnyy tekst: Problemy i metody issledovaniya. Sb. nauch. tr. T. 6: Aspekty teoreticheskoy poetiki: k 60-letiyu N. D. Tamarchenko* [Literary text: problems and methods of study. Coll. of sci. art. Vol. 6: Aspects of theoretical poetics: to the 60th anniversary of N. D. Tamarchenko]. Moscow, Tver', 2000, 244 p.
- Yanitskiy L. S. Lirika i mif (o nekotorykh osobennostyakh liricheskogo diskursa) [Lyrics and myth (On some features of lyrical discourse)]. *Philological Sciences*. 2004, no. 3, pp. 12–23.
- Zenkin S. N. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Teoriya literatury* [Introduction into literary studies. Literary theory]. Moscow, RSUH, 2000, 81 p.